

Д.М. ЦЕРОВИЧ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ЦЕРОВИЧ Дражен Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Юридический факультет Подгорица, Университет Черногории, Подгорица, Черногория (drazen.cerovic@protonmail.ch).

Аннотация. Статья посвящена исследованию институционального насилия в странах с переходной экономикой Юго-Восточной Европы. Цель – расширение представления об институциональном насилии и его неприемлемых последствиях для основных социальных ценностей: свободы, демократии, верховенства закона, безопасности и т.д. В постсоциалистических странах региона существенно изменились социальные условия, что привело к появлению новых форм институционального насилия. Сформулирована гипотеза, что к росту институционального насилия в изучаемых странах во многом привели квазиинституциональные факторы. Использован метод множественного линейного регрессионного анализа. Сделан вывод о проверке базовой гипотезы, а также о значительном уровне институционального насилия в странах Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова: институты • альтернативные институты • верховенство закона • институциональное насилие • оппортунистическое поведение

DOI: 10.31857/S013216250004971-1

В статье на материале стран Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) сделана попытка пересмотреть и расширить концепцию институционального насилия. С этой целью предложено новое определение институционального насилия – в литературе его также называют структурным насилием. Исследование проведено с использованием авторской анкеты. Опрошено 480 респондентов, имеющих высшее образование, в четырех отобранных странах ЮВЕ (в каждой по 120 чел.), чтобы оценить восприятие уровня институционального насилия в каждой из них. Далее, используя методы множественного линейного регрессионного анализа, была оценена интенсивность влияния факторов, которые были выбраны в качестве доминирующих.

Структурное насилие. Теория социального насилия создана Й. Галтуном. В работе «Насилие, мир и исследование мира» он рассматривает институциональное насилие как следствие социальных условий [Galtung, 1969]. Это гибридная концепция, поскольку она является частично теоретической (гипотетической) и частично эмпирической (доказательственной). Структурное насилие в основном выражается институционально, в форме гендерного неравенства, расизма, дискриминационных законов и даже религиозных идеологий, провоцирующих прямое насилие. Его трудно доказать, поскольку у него нет признанного преступника. Объекты насилия, как правило, индивиды, лишённые свободы политическим режимом тоталитарного типа, живущие в бедности и чье достоинство унижено из-за расовой, сексуальной или религиозной дискриминации. Экономические, политические или социальные факторы могут иметь более разрушительные последствия, чем использование винтовок и бомб.

Структурное насилие коренится в социальных структурах, для которых характерны неравенства – несправедливая, эксплуататорская система: политическая, экономическая, правовая и социальная. Неравенства и несправедливость воспроизводятся в условиях слаборазвитых и нестабильных институтов, норм и практик, в качестве их заменителей, как альтернативные институты. Возникающее при этом неравномерное распределение ресурсов является следствием государственного или политического доминирования

[Galtung, 1969: 171]. Потому структурное насилие может рассматриваться как одна из форм социальной несправедливости. Этот тип насилия нередко латентен, поскольку укоренен в повседневной жизни с помощью многообразных методов: идеологических, политических, медийных и т.д. Структурное насилие посредством монопольного присвоения ресурсов общества стало инструментом достижения господства и власти. Проявления такого рода насилия могут варьироваться от неравных возможностей образования, занятости, здравоохранения, через расовое и гендерное неравенство, вплоть до голода и нищеты. И все это следствия экономического насилия. Проблемы возрастают, когда эти формы несправедливости институционализируются и охватывают широкие социальные отношения: классовые (эксплуатация), межэтнические (национализм, этноцентризм) и/или расовые.

Культурное насилие тесно связано с институциональным насилием. Оно состоит из тех же аспектов культуры, которые используются для оправдания или легитимации прямого или структурного насилия. Многие авторы полагают, что не существует культур, которые содержат насилие во всех его аспектах. Но есть культуры, где насилие доминирует: угнетение через идеологию, религию, партийные механизмы и т.д. И потому важно понять: является ли насильственной и в какой степени неолиберальная, элитарная культура в странах переходного периода? Й. Галтун рассматривает культуру как «символическую сферу существования, представленную религией и идеологией, языком, искусством, эмпирической наукой и формальной наукой (логикой, математикой)», которая может использоваться для оправдания или легитимации прямого или структурного насилия [Galtung, 1990: 291]. Он указывает: эти формы насилия не могут поддерживаться без легитимности, придаваемой им культурными нормами и ценностями общества. Значительный вклад в понимание насилия внесли П. Бурдьё и Л. Вакан [Bourdieu, Wacquant, 1992: 167]. Они сформулировали концепцию символического насилия, которая представляет собой сумму структурного и культурного насилия в обществе, где велики разногласия. Согласно обсуждаемой концепции, те, кто подвергаются насилию, с течением времени привыкают к доминированию насилия в качестве естественного порядка, а своим молчанием и согласием косвенно его легитимируют [там же]. Это означает, что в символическом насилии участвуют и те, кто доминирует, и те, кто подчиняются.

Постсоциалистическое институциональное насилие. В большинстве постсоциалистических стран в течение так называемого переходного периода имеют место различные формы насилия. Из-за специфических кризисных условий: неолиберальной идеологии [Lakić, Drasković, 2015] и новых изощренных социальных методов, насилие в обществе приобрело много новых форм и способов проявления. Его сущность – «переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей» [Тощенко, 2015б: 4]. Методы постсоциалистического институционального насилия отличаются от предыдущих. Вместо дирижистской идеологии применялась ее противоположность (неолиберальная идеология), а вместо репрессивных методов – комбинированные «плюшевые» методы, в форме хорошо организованных избирательных машин, скрытого создания и использования привилегий, нерыночного присвоения, коррупции, создания коалиций интересов, игнорирования народных масс и т.д.

Постсоциалистическое институциональное насилие ближе всего к определению Д. Норта, Дж. Уолиса и Б. Вейнгаста [North et al., 2009], под которым они подразумевают такие формы социальной патологии, как политическое манипулирование экономикой (бизнесом) с целью создания привилегированных групп интересов и антиинституциональное стимулирование политической и экономической конкуренции. Именно это и произошло в условиях неолиберализма в странах с «порядком ограниченного доступа». В этих условиях отдельные организации, группы интересов и «элиты» (в основном выборные функционеры и экономические лидеры политических партий) извлекали экономическую ренту, благодаря привилегиям и некоторым «особым правам». Эти «права» создавались в слабо развитых институциональных средах, которые характеризуются личными отношениями и «связями». Из-за этого порядок стал неустойчивым; политика слилась с

бизнесом и доминировала в экономике; меньшинство (элита) управляло большинством; доминировали высоко персонализированные неформальные и альтернативные институты, а социальные и организационные структуры утратили стабильность.

Упомянутые авторы указывают, что ограничение доступа к ресурсам (фактически неравенство) порождает: дефицит законности; недостаточные гарантии прав и свобод; отсутствие конкуренции в политической и экономической сферах. Место в номенклатурной иерархии определяет положение отдельных лиц по отношению к закону, способ и характер его применения. Когда гражданское общество и демократия не развиты, когда нет сильной оппозиции, а бюрократия непрофессиональна и плохо контролируется, тогда возникает привилегированный доступ к услугам государства. «Элиты» присваивают привилегии, включая права собственности и занятия высокодоходными видами деятельности. Создание и присвоение ренты – это «клей», который поддерживает партийную коалицию [North et al., 2009]. Такой способ организации общества резко снижает эффективность государства, экономики, политики и институтов. Он создает глубоко переплетенную сеть коррупции, формируя патрон-клиентские отношения. Его устойчивость обеспечивается за счет устранения сильных формальных институциональных структур.

Конкретные проявления институционального насилия. В течение почти трех десятилетий через монистическую и вульгаризованную неолиберальную модель в странах Юго-Восточной Европы пропагандируются частные интересы, частная собственность и инициатива, экономические свободы и предпринимательство [Тощенко, 2015б: 4]. Но на практике они доступны только узкому кругу привилегированных функционеров. Сформировано острое неравенство условий доступа к ресурсам, что привело к монополии и нерыночным способам приобретения богатства. В литературе подчеркивается [Delibasic, 2016]: именно эти явления массово привели к различным формам оппортунистического и квазиинституционального поведения.

Согласно эффекту домино, это вызвало насилие над политическими, идеологическими, социальными, правовыми, этическими, институциональными, экономическими, экологическими и другими интересами граждан. Ускоренные и неподготовленные попытки замены догмы «социалистических ценностей» на другую – «устаревшего либерального капитализма» (М. Фридман) в большинстве стран с переходной экономикой не привели к эффективной замене старых институтов новыми, не говоря уже о цивилизационных ценностях, существующих в развитых странах. Произошла определенная метаморфоза и адаптация социалистических ценностей и их рекомбинация с множеством новых социальных ценностей (положительных и отрицательных, цивилизационных и антицивилизационных).

М. Делибашич считает, что институционализация более имитировалась, чем создавалась, и в ряде случаев применялось насилие против нее («злоупотребление институтами») [Delibasic, 2014]. При этом диктат и насилие государства были заменены диктатом и насилием так называемых «новых предпринимателей» («новых богатых»). Институциональное насилие в странах региона проявляется в форме:

- доминирования сплоченного и организованного меньшинства над большинством не способного к политической самоорганизации народа;
- нерыночного присвоения социальных ресурсов и их разрушения в огромных масштабах;
- квазиправового отделения большинства населения от собственности;
- перераспределения национальных ресурсов в интересах узких господствующих групп;
- создания монополий и огромное обогащение привилегированных лиц из рядов номенклатуры, их родственников и друзей;
- господства партийно-индивидуального контроля над институциональными структурами;
- формирования и укрепления альтернативных теневых институтов;
- свертывания политической демократии путем многочисленных нарушений избирательных процессов;
- сжатия либерализации от массовых интересов до интересов привилегированных лиц;

- изоляции и отрицания институционального плюрализма;
- сокращение экономического выбора;
- деформации ценностных критериев;
- доминирования авторитарных структур власти в классовых интересах;
- криминализации общества и т.д.

Большинство этих негативных явлений в постсоциалистическом обществе были объяснены Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2015а], который назвал их «фантомами» и «деформациями нормативной модели общественных отношений».

Методология. Мы выбрали четыре переменных, оказывающих значимое влияние на институциональное насилие: дефицит верховенства закона, дефицит демократии, дефицит реальных институциональных перемен, а также рост оппортунистического и социопатологического поведения (уничтожение и нерыночное присвоение государственных ресурсов). Наша идея состоит в использовании множественной линейной регрессии для определения функциональной зависимой переменной (Y) от четырех независимых переменных (X_1, X_2, X_3, X_4), а также оценки степени влияния независимых переменных на восприятие институционального насилия (зависимой переменной). Данные собраны по шкале Лейкерта и оценены по девятибалльной шкале. Элементы шкалы объединены таким образом, чтобы обеспечить количественное измерение. При измерении зависимой переменной оценки по шкале были установлены от минимального (1) до самого высокого (5). Что касается независимых переменных, то измерялось отрицательное влияние на зависимую переменную от минимального (1) до самого высокого (5). Данные были собраны путем опроса. Затем обработаны с использованием программного обеспечения SPSS. Для принятия или отклонения основной гипотезы в анализе данных использовались описательная статистика и корреляционный анализ, затем была применена модель множественной линейной регрессии (метод наименьших квадратов).

Дескриптивная статистика. Соответствующие результаты дескриптивной статистики приведены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Описательная статистика

Переменная	Черногория		Сербия		Босния и Герцеговина		Македония	
	среднее	стандартное откл.	среднее	стандартное откл.	среднее	стандартное откл.	среднее	стандартное откл.
Y	2,8250	0,66626	3,3250	0,66626	3,8708	0,64657	3,9375	0,78473
X_1	3,7250	0,56080	3,6917	0,66794	3,7833	0,54129	3,8458	0,63773
X_2	2,6750	0,56750	2,4583	0,74918	2,7458	0,54231	2,7958	0,68137
X_3	4,2708	0,60424	4,3000	0,61631	4,3625	0,63167	4,3583	0,59826
X_4	3,1750	0,56750	3,2500	0,68292	3,2292	0,50997	3,3292	0,81348

Дескриптивный анализ полученных данных показал, что они удовлетворяют условиям нормальности, линейности и мультикорреляции; это оправдывает применение регрессионного анализа модели первого порядка. Проверены все экстремальные значения и атипичные точки, так что все они удовлетворяют предпосылкам применения модели множественной линейной регрессии для определения линейной связи между независимыми переменными и зависимой переменной. Важно отметить: коэффициент корреляции (R) и коэффициент детерминации (r^2) достаточно велики (табл. 2). Они тоже оправдывают применение модели множественной линейной регрессии.

Поскольку результаты, полученные статистическими методами и множественной линейной регрессией в исследуемых странах схожи, регрессионная модель определяется только на уровне общей выборки. Исходя из среднего ожидаемого значения зависимой

Таблица 2

Коэффициент корреляции (R) и коэффициент детерминации (r^2)

Статистика	Черногория	Сербия	Босния и Герцеговина	Македония
R	0,905	0,968	0,906	0,8698
r^2	0,820	0,937	0,650	0,7565
Стандартная ошибка	0,28664	0,1704	0,38914	0,3938
Остаток	9,5308	3,3406	17,415	17,837

переменной (3,76, 2,66, 4,32 и 3,24) соответственно, регрессионный анализ показывает существование следующей линейной зависимости между зависимой переменной $\bar{Y}$ и независимыми переменными X_1, X_2, X_3 и X_4 : $\bar{Y} = b_0 + b_1X_1 + b_2X_2 + b_3X_3 + b_4X_4$, где $\bar{Y}$ – среднее ожидаемое значение зависимой переменной; b_0 – раздел на оси Y , который определен на основе соответствующего образца; b_1, b_2, b_3, b_4 – коэффициенты при переменных $X_i, i = \overline{1, 4}$.

Получается результат: $Y = -1,011 + 10,398 X_1 + 0,021 X_2 + 0,2016 X_3 + 0,634 X_4 = 3,13$.

Поскольку участникам было предложено оценить их восприятие институционального насилия в масштабе от 1 до 5, полученное значение (3,13) показывают его относительно высокий уровень. Стандартное отклонение оценки коэффициентов в модели регрессии свидетельствует о ее адаптации к фактическим данным. Значения стандартного отклонения коэффициентов: 0,208, 0,050, 0,041 и 0,049 показывают надежность восприятия респондентов. Значение $F(180, 74)$ подразумевает статистическую значимость коэффициента детерминации, т.е. модели регрессии.

Выводы. В странах ЮВЕ распад институциональных и юридических форм привел к появлению новых масштабных форм институционального насилия. Теоретический анализ показал: основные факторы, влияющие на рост институционального насилия, имеют квазиинституциональный и социопатологический характер. Проявления институционального насилия наиболее выражены в Македонии, в Боснии и Герцеговине, в Сербии и, в наименьшей степени, в Черногории. Наиболее значимые негативные факторы – дефицит реальных институциональных изменений и дефицит верховенства закона. Другие две независимые переменные также оказали негативное воздействие, в соответствии с восприятием респондентов их действия также были обусловлены отсутствием реальных институциональных изменений и дефицитом верховенства закона.

Для снижения уровня институционального насилия необходимо ускорить развитие формальных и неформальных институтов в обществе, устранить влияние альтернативных институтов и оппортунистического поведения, а также укреплять институт верховенства права. Поскольку институциональные матрицы государства, политики и общества во многом определяются властью, именно она является основным виновником институционального насилия.

Результаты исследования подтвердили основную гипотезу: восприятие уровня институционального насилия высокое, а восприятие респондентами влияния независимых переменных так же является высоким для всех переменных (больше 3 на шкале от 1 до 5). Особенно ярко выражено влияние дефицита институциональных изменений и верховенства закона.

Исследование не могло учитывать все факторы воздействия. Показано: выбранные переменные объясняют 60% исследуемого явления. При этом линейная функциональная зависимость хорошо описывает наблюдаемое явление, так как обеспечивает относительно высокое значение коэффициента корреляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015а. [Toschenko Zh.T. (2015a) *Fantomies of Russian Society*. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. (In Russ.)].
- Тощенко Ж. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015б. № 6. С. 3–13. [Toschenko Zh.T. (2015b) *Precariat – a New Social Class*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)].
- Bourdieu P., Wacquant J. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Delibasic M. (2016) Hypothetical Matrix for Institutional Modeling of the Basis for Economic Development in the Countries of Southeast Europe. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 12(2): 147–159.
- Galtung J. (1969) Violence, Peace, and Peace. *Journal of Peace Research*. Vol. 6(3): 167–191.
- Galtung J. (1990) Cultural Violence. *Journal of Peace Research*. Vol. 27(3): 291–305.
- Lakic S., Draskovic M. (2015) Implications of Institutional Dispositions of Neoliberalism. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 11(2): 113–124.
- North D.C., Walis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders – A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: The Syndicate of the Press of the Cambridge University.

Статья поступила: 07.12.18. Принята к публикации: 18.03.19.

INSTITUTIONAL VIOLENCE IN THE PERCEPTION OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF SOUTHEASTERN EUROPE

CEROVIC D.M.

Faculty of Law Podgorica, University of Montenegro, Montenegro

Drazen M. CEROVIC, Dr. Sci. (Law), Prof., Faculty of Law Podgorica, University of Montenegro, Podgorica, Montenegro (drazen.cerovic@protonmail.ch).

Abstract. The article is devoted to the study of institutional violence in transitional countries of Southeast Europe. The goal is to investigate the problem of institutional violence and to extend its definition in terms of unacceptable consequences for basic social values (freedom, democracy, rule of law, security, etc.). In the post-socialist countries of this region, social conditions have changed significantly, impacting the emergence of new forms of institutional violence. It starts with the hypothesis that quasi-institutional factors have led to an increase in institutional violence in the observed countries. In addition to the survey of respondents, the method of multiple linear regression analysis was also used. The conclusion was made on the verification of the basic hypothesis, and on the significant level of institutional violence in the countries of Southeast Europe.

Keywords: institutions, alternative institutions, rule of law, institutional violence, opportunistic behavior.

Received: 07.12.18. Accepted: 18.03.19.